

Секция
«Исторические и политические исследования
общественного развития»

След «шанхайской печати» или положение окраин на Магнитострое в 1930-х гг.

К середине 1930-х гг. в Магнитогорске формируются своеобразные жилые и промышленные сектора. При дифференциации участков Магнитостроя на центральные и окраинные учитывалось не столько их территориальное расположение, сколько социальный состав населения, экономическая рентабельность и специализация. Однако распределение не ограничивалось влиянием вышеупомянутых факторов, потому что и среди так называемых «медвежьих углов» существовали свои специфические категории. Поселки Северный, Ново-Северный, Средне-Уральск, Большой Шанхай, Казахский, Щитовые дома, 3 и 14 участки и многие другие поселки, находившиеся на окраине города, представляли собой сеть локальных трудовых и промышленных районов внутри Магнитостроя. Для нужд производства был возведен целый ряд заводских цехов и корпусов, вокруг которых, собственно, и возникали поселения. Например, 4 участок был местом расположения ЦЭС, 14 уч. – камнедробильного завода, Туковый поселок – завода по производству минеральных удобрений и так далее. Сочетая в себе одну или сразу несколько производственных специализаций, поселки становились местами скопления различных социальных групп населения, что в конечном итоге приводило к увеличению количества дисперсных несанкционированных построек [1]. В периодической печати тех лет встречается множество едких сатирических заметок, а также писем трудящихся о «*букете зловоннейших притонов и шинков*» [2] распутившихся в этих поселках. Наиболее известный из них - Большой Шанхай. Это густонаселенный поселок в Магнитогорске, который официально назывался поселок им. 8 Марта, но среди населения его называли Шанхай, из-за высокой скученности населения и невыносимых санитарно-бытовых условий [3]. Наименование участка становится именем нарицательным, с явной пренебрежительной окраской, а так называемая «шанхайская печать» налагалась на те бараки, что прослыли в народной молве, как «бескультурные». Указанный ойконим является примером широкого распространения народной этимологии, которая служит причиной параллельного употребления нескольких наименований одной и той же территориальной единицы; вследствие чего, со временем, происходит замещение официальных и неофициальных топонимов. Также наименования могли быть заменены и порядковыми номерами, например, 7 (Вагонный) и 6 (Востокококса) участки. Однако наличие дополнительной нумерации, которая активно использовалась на начальных этапах строительства кварталов жилых и промышленных, неоднократно вызвало проблемы с поиском различных объектов, фиксацией наименований в официальной документации и их последующих переименованиях [4].

Из-за обилия «нахаловок» и «чингизок», не поддававшихся учету, а потому отсутствовавших во многих документах, развивается тенденция к их объединению с более крупными участками. Самым внушительным из таких «объединений» уже к середине 1930-х гг. становится предполагаемый центр формально существовавшего в Магнитогорске Сталинского района - 5 участок. Существовало многоуровневое внутреннее деление на сектора и городки – район Хлебозавода, военно-учебный пункт ОСО, южная часть примыкающая к рудодробильной фабрике, клуб ВПО – северная часть, школа ИТК – северо-западная часть, поселки РИС и 8-е Марта, Ежовка и Телеграфный городок, Компрессорный и Дальняя гора [5]; а также по местам скопления учреждений определенного общественного или промышленного значения. Помимо этого к 5 участку относилось и множество самостоятельных поселков, таких как Рабсила, Изо-пропункт, Учебный и Прокатный городки, Доменный (поселок) и Больничный городки, Конпарк, Складское хозяйство и поселок Автобазы [6]. Однако, при всем разнообразии представленных в нем организаций: Заводуправления, Р.О.К.К. (Российского Общественного Красного Креста), ГосЦирка, РИСа (Рудо-Испытательной Станции), ГРУ (Горно-разведательного Управления), ДИТРа (Дома Инженерно-Трудовых Рабочих) и многих других, имевших в свое время немаловажное значение для населения Магнитостроя, участок не имел особого веса ни в идео-

логическом, ни в градостроительном планах. И скорее всего, он претендует на статус промышленного и культурного центра Магнитогорска образца 1930-х гг., но только неофициального.

Нельзя не отметить особое отношение и к «казачьим» поселкам, которые когда-то были первыми жилыми пунктами представленного территориального округа. В середине 1930-х гг. из документов и нормативных актов изымались наименования и любые упоминания о «казачьем сословии», ещё напомиравшем в новое время о пережитках эпохи царского самодержавия. Из состава эрготопонима исполкома Магнитогорского городского «Совета рабочих, красноармейских, крестьянских и казачьих депутатов», в частности, было изъято слово «казачьих». Казаков перестали воспринимать как особую категорию населения с самобытной культурой и вековыми традициями, в 1930-х гг. они стали приравниваться к обыкновенным крестьянам. Станица Магнитная, ещё до вступления запретов и постановлений в законную силу, стала называться поселком Старая Магнитка [7]. Но вышеуказанная станица была не единственной сменившей свое наименование. По некоторым данным поселок Среднеуральский, или просто Средне-Уральск, до 1920-х гг. был известен под другим названием. В конце XIX века крестьянами-переселенцами из Самарской губернии, неподалеку от казачьей станицы Магнитной, был основан поселок Ново-Чесноковский (Чесноковский или Чесноковка). Через несколько десятилетий оба поселения стали все больше расширяться, и были объединены в одну территориальную единицу. Новый поселок, с объединенным крестьяно-казачьим населением, назвали Среднеуральским, из-за соответствующего географического положения [8]. После начала строительства города Магнитогорска поселок попадает в число неблагонадежных и «заброшенных». При этом степень отсталости культурной и общественной жизни поселка выражается в сохранении старых семейных традиций и праздников, в том числе Рождества. В первом советском городе передовых идей этот факт считали парадоксальным и именно с ним связывали репутацию Среднеуральска как места темного в прямом и переносном смысле.

Ко всем прочим категориям социально неблагоустроенных участков необходимо также отнести поселки с «пометками» специальный и трудовой (Туковый, Известковый карьер, Старо-Северный, Ново-Северный, Центральный), а также нацменский (Восточный и Казахский). Контингент, населявший первую группу поселков - спецпереселенцы и трудпоселенцы, вторая же группа была населена беженцами из Казахстана, Чувашии и других республик СССР. В целом, обозначенные группы поселков формировались за счет подневольного перемещения раскулаченных крестьян; в результате принудительного перемещения в осваиваемые районы лиц, выселяемых в ходе очистки приграничной зоны; в результате перемещения заключенных (репрессированных) технических специалистов и использования контингентов концентрационных (исправительно-трудовых) лагерей; за счет удерживания досрочно освобожденных заключенных на «закрепленном поселении»; в результате насильственного «придания оседлости» (принуждение к смене образа жизни и характера трудовой деятельности) – депортации с целью закрепления кочевых народов на земле, а также за счет размещения беженцев и репатриантов [9]. В целом состав населения вышеуказанных участков predetermined не только условия их существования, но и формирование определенного образа «социального дна» Магнитостроя и связанных с ним ассоциаций.

Необходимо отметить, что проблема благоустройства поселков, поддержания достойного уровня жизни, общественная и культурная среда – во многом зависели от самобытности населявшего поселок контингента. Но следует учитывать не только социальный состав населения, степень удаленности от центра, наличие транспортных путей, средств коммуникации, но и заинтересованность административного аппарата в развитии данного района. Безусловно, мы не можем утверждать, что такие поселки как Большой Шанхай, Среднеуральск, 14 участок и некоторые другие были исключительными местами проживания люмпенов и маргиналов, так как фактор наличия огромного количества безграмотных и неквалифицированных рабочих был в целом одним из главных вопросов Магнитостроя.

Литература

1. МУ «Магнитогорский городской архив» (МУ МГА). Ф. 10. Оп. 1. (Протоколы заседаний и постановлений Президиума Горсовета за 1931 г.) Д. 26. Л. 171 (Копия).
2. Роман Р. Крокодил в Магнитогорске. – М. Свердловск: ОГИЗ, 1931. – с. 41.

3. Макарова Н. Н. «Первый в СССР чисто советский город...»: Магнитогорск в условиях реализации идеи нового социалистического города (1929–1935) // Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск, 10–11 декабря 2010 г./ Под ред. Н. Н. Макаровой, Н. С. Фроловой. Магнитогорск: МаГУ, 2010. С. 74.
4. МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. (Магнитогорский горисполком. Протоколы Горсовета за 1937 – 1938 гг.) Д. 241. Л. 286. об.; там же. Л. 314 – 332.
5. МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 241. Л. 408.
6. МУ МГА. Ф. 100. Оп. 3. (Магнитогорский рабочий. Март 1933 г.) Д. 2.; Магнитогорский рабочий. – 1937. – 12 ноября; там же. – 1937. – 3 марта.
7. Дегтярев А. Г. Летопись горы Магнитной и города Магнитогорска. Магнитогорск: Изд. отдел Магнитогорского полиграф. предприятия, 1993 – С. 21.
8. Баканов В. П. Испытание Магниткой. – Магнитогорск: ПМП «Мини Тип», 2001. – С. 40–44.
9. Меерович М. Г. Принудительное комплектование населения соцгородов// Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации: сборник материалов международной научной конференции. Магнитогорск, 10–11 декабря 2010 г. / Под ред. Н. Н. Макаровой, Н. С. Фроловой. – Магнитогорск: МаГУ, 2010. – С. 136 – 159.

О вкладе коллектива завода № 253 в победу в Великой Отечественной войне

В период Великой Отечественной войны фронт требовал огромного количества боеприпасов. Так, например, общий расход патронов на Сталинградскую операцию составил около 500 млн. патронов (1200 железнодорожных вагонов). Только за 1942 год патронной промышленностью было выпущено около 6 млрд., а за 1944 год свыше 7,4 млрд. патронов. К началу Берлинской операции наши войска имели около 1 млрд. патронов и израсходовали около 390 миллионов патронов [1; С.260].

Одним из заводов по производству боеприпасов стал «завод №253» (Муромский приборостроительный завод). Основополагающим документом для начала работ стал приказ по НК ОП № 419с.с. от 4 ноября 1938 года: «Во исполнение постановления Правительства от 23 октября 1938 года за №253 с.с. (для неспециалистов, «с.с.» - «совершенно секретно), построить в районе г. Мурома завод с двумя цехами – пиротехническим и капсюльным».[2]

23 октября 1941 года была изготовлена первая партия боеприпасов.

В декабре 1941 г. завод № 253, по постановлению Горьковского Комитета Обороны, изготавливает дополнительно для Автозавода 185 тысяч штук капсюлей-детонаторов для изготовления ручных гранат РГП-1, используемых для вооружения истребительных батальонов, и заказ на выпуск пружин № 148 в количестве 50000 штук, для противотанковых гранат Сердюка.[3]

В ноябре-декабре 1941 г. сотни рабочих завода № 253 принимают участие в строительстве оборонительных сооружений Муромского отводного кольца. В январе 1942 года завод № 253 выполняет поручение Горьковского Комитета Обороны по строительству Владимирского укрепленного рубежа и выпускает в целях помощи строительству капсюлей-50000 штук и электродетанаторов - 25000 штук[4].

В 1942 году завод освоил технологические процессы, обучил кадры и сформировал работоспособный трудовой коллектив. В августе на заводе было уже 14 комсомольских групп, быстро росла комсомольская организация. Наладилась, благодаря парторганизации и активной позиции нового парторга А.М.Чучалова, агитационно-пропагандистская политмассовая работа. В цехах ввели почасовой график выпуска продукции, определили почасовую норму выработки.

Завод наращивал производственные мощности, осваивал новые нестандартные станки для инструментального и гильзового производств. Благодаря участию и непосредственной помощи Горьковского комитета обороны и Муромского ГК ВКП(б) наладились связи со смежными предприятиями. К концу 1942 года завод освоил более 25 видов новой военной продукции, а в сентябре 1942 года впервые выполнил государственный план по всем показателям [2].

13 ноября 1942 года заводу № 253 вручается Красное Знамя Муромского ГК ВКП(б) и Горисполкома за отличную работу в сентябре и октябре. Заводу присуждается 3 премия за работу в ноябре и 2 премия за работу в декабре 1942 года.

В декабре 1942 года вышел указ президиума Верховного Совета СССР за № 43(202) «О награждении работников промышленности боеприпасов», где прилагался список награжденных работников завода № 253 НКБ из 23 имён. Это было признание поистине героического труда строителей и специалистов. Завод работал в полную силу. На заводе набрало силу движение стахановцев, «фронтовых» бригад.

С сентября 1943 г. по июль 1944 г. завод удерживал за собой переходящее Красное Знамя НКБ (которое в 1946 года вручили заводу на вечное хранение).

1944 год стал для завода годом наивысшей производительности труда. Набрало силу движение рационализаторов и изобретателей, которые возглавили коммунисты-изобретатели В.М. Костылёв, А.А. Васильев, П. Трошин и А.П. Новиков. Так, например, за 11 месяцев 1944 года в Бриз завода поступила 250 предложений от рационализаторов. Из них 184 было принято, а 161 внедрено с экономическим эффектом 1339,3 тысячи рублей. На заводе организовались комсо-

мольско-молодёжные бригады, среди которых одними из первых добились присвоения почётного звания «фронтвая» (целью которых было досрочное выполнение заданий для фронта, увеличение выпуска продукции при меньшем числе рабочих) мастерская цеха № 6, которой руководил М.П.Кириллов, и бригада Нади Моронцовой.

Усилия всего коллектива дали отличные результаты. За 1944 год были успешно освоены новые виды продукции - КВ, КД-ТАТ-1, пиронатронов и т.д. Номенклатура выпускаемых изделий выросла на 40 наименований. На смотре-конкурсе 1944 года по НКБ за внедрение поточного производства завод получил почётное 3 место. В результате механизации и ведения поточного метода повысилась производительность труда, уменьшились энергозатраты, снизился процент брака [5].

Общими усилиями всего коллектива завод выдержал чёткий ритм работы без срывов и провалов. За ударный труд партия и правительство наградили 3 человека, в том числе инженера-полковника Костылёва В.М, орденом Трудового Красного Знамени, 18 – орденом Красной Звезды, 33 – орденом «Знак Почёта», 23 – медалью «За трудовую доблесть», 19 – медалью «За трудовое отличие». Всего же за годы Отечественной войны награды получили 130 работников завода № 253.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны коллектив завода № 253 пустил производство и освоил выпуск капсулей-воспламенителей, капсулей-детанаторов, пиронатронов различных типов и модификаций – тех элементов, без которых не могла работать вся военная мощная техника, и своим личным героическим трудом обеспечил вклад в победу в Великой Отечественной войне.

Литература

1. Новиков В.Н. Оружие победы 1941-1945 / Под общ. ред. В.Н.Новикова. – М.: Машиностроение, 1985. – 304 с.
2. Заводской музей МПСЗ. Коллекция материалов
3. ГОПАНО (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Ф. 2518. Оп. 1. Д. 1. л. 199, 203
4. ГОПАНО. Ф. 251. Оп. 1. Д. 3, Л. 2
5. Финогенова Н. К. К 50-летию завода // Импульс. 1988. 8 августа.

**О субъективном факторе в воспоминаниях очевидцев:
Г.К. Жуков о подготовке «Директивы №1»**

Один из «больных» вопросов современного состояния исторического знания в сознании общества – Великая Отечественная война, точнее та сумятица в знании реальных фактов или событий, понимании побудительных мотивов действий различных сил в 1941-1945 гг., оценках и т.д. Попытки выстроить единый, устраивающий всех подход в отношении, как самой истории ВОВ, так и оценок различных событий или итогов, не дают ощутимого результата, поскольку усреднение приходится искать, зачастую, между диаметрально противоположными по знаку, и абсолютно крайними оценками, среднее между которыми может дать только нулевую величину. Не последнюю роль в этом играет и то, что воспоминаний очевидцев осталось не слишком много, да и в них то и дело выявляются «натяжки», «нестыковки», а то и откровенные искажения сути событий.

Одним из наиболее значимых и достоверных источников информации о тех событиях долгое время считались «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова [1], по праву считающегося одним из маршалов Победы. Однако публикации документов из архивов заставляют усомниться в абсолютной достоверности всего того, что уважаемый маршал пишет в своей книге. Оценке степени субъективности Г.К. Жукова в описании событий посвящены работы [2,3]. В данном докладе рассмотрен вопрос о степени корреляции изложения ситуации с т.н. «Директивой №1» (в версии Г.К. Жукова) с другими известными воспоминаниями.

Вопрос о «Директиве» (в действительности телеграмма, отправленная в округа, не может считаться директивой, поскольку она не имеет регистрационного порядкового номера) частично рассмотрен в [3]. По [1, т.1., с.369-371] текст телеграммы был заранее подготовлен начальником Генерального штаба (НГШ) Г.К. Жуковым (про участие в её подготовке Наркома обороны С.К. Тимошенко умалчивается) после того, как вечером 21.июня (точное время не указано) И.В. Сталин согласился принять Начальника Генерального штаба и Наркома обороны (НКО) в связи с появившимся сообщением о возможном начале войны. В воспоминаниях указывается, что вместе с ними при разговоре присутствовал 1-й заместитель начальника Генерального штаба по оперативным вопросам и устройству тыла Н.Ф. Ватутин. После того, как НГШ зачитал проект директивы наркома, И.В. Сталин рекомендовал сократить текст и скорректировать основную часть. Работа была выполнена Г.К. Жуковым и Н.Ф. Ватутиным (за пределами кабинета). И.В. Сталин «внёс некоторые поправки», С.К. Тимошенко подписал директиву и Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы «тотчас передать её в округа».

В рассмотренной версии, прежде всего, обращает на себя внимание «скромная» роль наркома, который как бы присутствует при Г.К. Жукове. Можно было бы сказать, что, вероятно, в этот момент большая роль принадлежала именно НГШ. Однако и в других ситуациях он показывает, что именно он выполнял главные функции: именно ему звонит командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский с докладом о подходе иностранных самолётов (вообще-то у него был свой начальник, Народный комиссар Военно-морского флота, адмирал Н.Г. Кузнецов, но звонит он человеку, которому совсем не подчинялся и именно у него спрашивал разрешения на ответные действия); именно он звонит И.В. Сталину, сообщая о начале войны; именно он в момент общей растерянности первых часов войны вносит предложение «немедленно обрушиться всеми имеющимися ... силами на прорвавшиеся части противника» [1, т.2., с.10] и т.д. В принципе, такое смещение акцентов в сторону усиления личного вклада в решение тех, или иных проблем, понятно и привычно. Однако есть несоответствие в очень значимых событиях с описаниями других очевидцев или с историческими архивами. И это несоответствие уже нельзя объяснить личной позицией, тут вопросы более серьёзные.

Судя по записям в журнале записей лиц, принятых И.В. Сталиным [4], НКО и НГШ вышли из кабинета в 22-20, причём нарком был на приёме уже во второй раз. Однако присутствие Н.Ф.

Ватутин в журнале не зафиксировано вообще. И если текст был окончательно согласован и подписан, его оставалось только передать в оперативный отдел для немедленной отправки в округа. Однако даже по описанию в Воспоминаниях сделано это было только к 00-30 уже 22 июня.

Однако есть и другая версия появления этого документа. По воспоминаниям адмирала Н.Г. Кузнецова, 21 июня в районе 23-00 он пришёл в кабинет С.К. Тимошенко, где увидел, что нарком диктует, а Г.К. Жуков пишет в спецблокнот телеграмму, предназначенную для пограничных округов, о возможном нападении Германии [5]. Именно эта телеграмма, переданная для шифрования и последующей отправки только в 23-45, и известна в настоящее время как «Директива №1».

Н.Г. Кузнецов военными и серьёзными историками почитается как человек честный и порядочный. И если он ещё в середине 60-х годов изложил историю появления данной телеграммы именно так, значит, есть серьёзные основания доверять высказанной версии. Тем более что некоторые «странности», связанные с данным документом, могут быть объяснены именно с таких позиций. Например, если текст был согласован и подписан примерно в 22-15, после чего Н.Ф. Ватутин немедленно отправился в Генеральный штаб для передачи его в округа, почему в отдел шифровки документ поступил только в 23-45. Путь от кремля до наркомата обороны занял слишком много времени: 1 час 25 минут слишком большой временной отрезок, ведь счёт идёт на минуты и тут явно должен быть задействован автотранспорт. Значит, что-то происходило ещё с данной телеграммой, кроме описанного, или ситуация развивалась не так, как она изложена.

С учётом описания «по Кузнецову» можно предположить, что в действительности телеграмма готовилась уже после совещания в кабинете И.В. Сталина, и именно в то время, какое указано у Н.Г. Кузнецова. Тогда: 1) становится понятно, почему она так поздно поступила на шифровку; 2) возникает вопрос, а где же был И.В. Сталин?

Второй вопрос неизбежен, поскольку допустить, что такую важную телеграмму он мог «отдать на откуп» наркомату и Генштабу, очень сложно. Из доступных материалов известно, что в последнее время (июнь 1941 г.) он постоянно, так или иначе, контролировал их работу, «одёргивал» при попытках проявить активность, прямо указывал, что нельзя делать и т.д. И если эта телеграмма готовилась без контроля с его стороны, значит в данный момент времени он в том или ином виде «отсутствовал». И тогда кроме вопроса «где он был», возникает ещё и вопрос «почему». Впрочем, это вопрос отдельного исследования.

Вывод

Анализ и этого эпизода в «Воспоминаниях» показывает, что и тут имеют место не привычные искажения фактов или последовательности событий, обусловленные наслоениями событий одно на другое, вытеснение событий более важными, подсознательное стремление забыть о каких-то фактах, являющихся слишком неудобными для конкретного человека. Очевидно, что речь идёт о сознательном «отклонении» от реально происходивших событий, продуманном смещении акцентов и подстраивании под определённую идеологическую линию.

Литература

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. -10-е издание, дополненное по рукописи автора. – М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990.
2. Булкин В.В. О субъективном факторе в воспоминаниях очевидцев: Г.К. Жуков о П.В. Рычагове / Наука и образование в развитии промышленной, социальной и экономической сфер регионов России. IV Всероссийские научные Зворыкинские чтения: сб. тез. докл. IV Всероссийской межвузовской научной конференции. Муром, 3 февр. 2012 г. [Электронный ресурс]. – Муром: ИПЦ МИ ВлГУ, 2012.–С.234-236. ISSN 2220-8763 (CD-ROM).
3. О субъективном факторе в воспоминаниях очевидцев: Г.К. Жуков о начале Великой Отечественной войны / Наука и образование в развитии промышленной, социальной и экономической сфер регионов России. V Всероссийские научные Зворыкинские чтения: сб. тез. докл. Всероссийской межвузовской научной конференции. Муром, 1 февр. 2013 г. – Муром: Изд.-полиграфический центр МИ ВлГУ, 2013. С.213-215. ISSN 2220-8763 (CD-ROM).

4. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Научный редактор А.А. Чернобаев. – М.: Новый хронограф, 2008. – 784 с. ISBN 978-5-94881-008-9. –Режим доступа: <http://istmat.info/node/165>
5. Кузнецов Н.Г. Накануне. – М.: Воениздат, 1969. – 376 с.

**Проблемы торговых организаций города Магнитогорска в годы Великой
Отечественной войны (по материалам газеты «Магнитогорский рабочий»)**

Великая Отечественная война обострила проблемы, связанные со снабжением населения города Магнитогорска. В военные годы городская торговля, как и во всей стране, осуществлялась в основном в рамках карточной системы, что стало вынужденной мерой, обеспечивающей выживание населения в условиях войны [1]. В Челябинской области карточное распределение вводилось приказом Наркомторга № 298 от 5 августа 1941 г. «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в городах, рабочих поселках и поселках городского типа ...». По прошествии более года с 1 января 1943 г. приказом Наркомата торговли СССР «Об упорядочении карточной системы на хлеб, некоторые продовольственные и промышленные товары» вводились единые формы карточек на нормированные товары и платные (5 коп.) стандартные справки на получение этих карточек. Приказ также предусматривал предоставление наркомом торговли республик и заведующим областными (краевыми) торговыми отделами права «производить прикрепление населения к магазинам для получения хлеба и продовольственных товаров по карточкам, когда по условиям снабжения и состоянию торговой сети это является целесообразным» [2; 338, 340]. Другими словами процесс регламентации карточной торговли был достаточно продолжительным, что давало торговым организациям Магнитогорска с одной стороны возможность самостоятельно решать актуальные вопросы, с другой стороны, отсутствие строгих регламентаций приводило к некоторой сумбурности и неразберихе.

Несмотря на существенные изменения и увеличение значимости торговли в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Магнитогорский рабочий» публикации о торговых организациях были не так часты. Основное внимание местной прессы было приковано к ситуации на фронте и работе Магнитогорского металлургического комбината. Незначительные заметки на тему торговли отражали лишь общие проблемы продовольствия в стране, а также самые злободневные вопросы торговли в городе.

В конце 1941 г. на страницах газеты отмечался дефицит предметов ширпотреба, несмотря на наличие в Магнитогорске 18 артелей и нескольких предприятий местной промышленности, на которых трудилось до 3000 рабочих. Не могли торговые точки обеспечить горожан хлебом: ввиду слабой мощности хлебозавода часть населения снабжалась мукой вместо печёного хлеба. Кроме того, горожане болезненно ощущали отсутствие в магазинах и ларьках соли, тогда как на складах находилось 200 тонн востребованного товара [3; 77, 78, 85]. Таким образом, на начало Великой Отечественной войны в торговле города явственно выступали две проблемы: недостаточное развитие местной и кооперативной промышленности и ее нацеленность на нужды города (многие производимые товары вывозились на продажу в другие регионы) и отсутствие четкой связи склад-магазин.

Редакция газеты не оставалась в стороне и пыталась собственными силами с привлечением органов местной власти решить возникшие проблемы, но и спустя год ситуация не изменилась. В заметке от 27 января 1942 г. «Навести порядок в магазинах» [4] был размещен отчет по итогам рейда редакции «Магнитогорского рабочего», двух депутатов Городского Совета А. Курочкиной и Е. Добрыниной, в сопровождении комсомолки, работницы швейной фабрики З. Чубаровой по магазинам № 41, 18 Магнитторторга и №4 «Гастронома» Кировского района. Как и в 1941 г. в магазине № 41 была замечена очередь на растительное масло. Причина была старая - его не привезли со склада № 8, т.к. оно замерзло. Аналогично дело обстояло со спичками и солью, которые не могли привезти со склада, по утверждению заведующий магазином Скиба, ввиду отсутствия транспорта [8].

Обвинять в имеющихся проблемах с обеспечением города продовольствием было бы опрометчиво. Они постоянно искали новые способы обеспечения населения продовольствием. К 1944 г. в магазинах кроме товаров по карточкам горожанам выдавались дополнительные обеды, вторые горячие блюда, двухразовое питание для детей, молочная кухня «для самых маленьких» и др. В то же время внутренние продовольственные ресурсы Магнитогорска «использовались далеко не полностью», как следствие не все карточки были отоварены, о чем сообщалось в статье «Больше инициативы» [5]. Одновременно появилась разница в обеспечении хлебом разных районов города. 4 июля 1944 г. в статье «Упорядочить торговлю хлебом»^[6] И. Нестеренко констатировал, что на правом берегу обеспечение хлебом плохое, «очень часто магазин задерживает своим потребителям хлеб за 2 дня и больше». Очевидно, проблема крылась в дефиците транспорта, который был полностью мобилизован и обслуживал нужды металлургического предприятия и фронта.

Помимо условно объективных проблем работы торговых организаций в годы войны были и субъективные. Первая среди них – плохое санитарное состояние торговых помещений. Редакционная комиссия отмечала, что в магазине № 41 «прилавок чист только возле весов, чуть подальше – слой пыли», а в магазине № 4 «бумага, в которую была завернута птица – свалена кучей в углу склада, а потом в нее будут заворачивать продукты»[4]. Указывались и причины столь плачевного положения в торговых залах - небрежное отношение к «Книге жалоб и предложений», которая в магазине № 41 постоянно пополняется, но заведующий не реагирует вовремя на записи, мотивируя тем, что «не видел что здесь написано»; в магазине № 4 на претензии покупателей вообще отвечал посторонний человек [4]. Зафиксировала магнитогорская пресса и еще один факт безразличия заведующих магазинами к имеющимся безобразиям. В рубрике «Письма в редакцию» в номере от 5 сентября 1944 г. присутствовала заметка «Хождение по мукам» [7]. В ней автор повествовала историю «продавца-универсала», которая не могла найти себе работу, несмотря на приказ о ее назначении в магазин № 28. По словам председателя цехкома ОРСа комбината Алехина ее «не любят за то, что она дает сигналы по работе магазинов, а завмагам это не нравится». Единственное, с чем пытались бороться заведующие магазинами, опять-таки не без помощи общественности, – это грубость продавцов. После опубликования соответствующих заметок продавец магазина № 33 Пожидаева была уволена, продавец магазина № 25 Фролова, грубо общавшаяся с ветеранами Великой Отечественной войны и неправильно отпускавшая товары, получила выговор.

Одной из наиболее традиционных проблем для торговли продолжали оставаться хищение и спекуляция. Несмотря на ужесточение законодательства, заведующие магазинами и продавцы шли на преступления. Хочется думать, что большая часть из них, были обусловлены тяжелой продовольственной ситуацией в городе, а не единственным желанием наживы. В качестве иллюстрации вопроса приведем несколько примеров. В заметке «Спекулянтка» [9] отмечалось, что продавец магазина № 15 Мария Мешавкина перепродавала продукты и товары. Суд приговорил к 10 годам лишения свободы «с поражением в правах на 3 года после отбытия меры наказания» с конфискацией имущества. В заметке «Оптом и в розницу»[10] разоблачался зав. керосиновым магазином № 29 С.С.Сысуев, который в «целях наживы» перепродавал керосин организациям оптом по повышенным ценам. Он также был «предан суду». В 1942 г. из магазина № 1 ОРСа «Магнитострой» продавец Р.В.Галактионова, ее родственник Б.С. Перепелкин из фондов ОРСа похитили «12 кг. сливочного масла, 12 кг. сахара, 28 кг. крупы, 26 кусков масла, 176 кг. муки и много других [...] продуктов и вещей» [11], которые были у них обнаружены во время обыска. В то же время отв. исполняющий горного управления комбината В.М.Левкова совместно с А.В.Меркуловой «расхищала карточки» и получала на них продукты из магазина. Сообщниц осудили на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества [12]. Как видно, все уличенные в воровстве получили заслуженное наказание, о чем газета сообщала с особой тщательностью, что позволяет предположить, что данные публикации служили предупредительным сигналом для остальных и средством профилактики хищений и спекуляции в торговых организациях Магнитогорска.

Таким образом, Великая Отечественная война обнажила две категории проблем в торговых организациях Магнитогорска: относительно объективные, связанные с налаживанием работы местной промышленности и промысловой кооперации и транспорта, и субъективные, которые

были присущи многим магнитогорским предприятиям и учреждениям города еще в 1930-е гг. и обострились в условиях военного времени.

Литература

1. Демина, Е.В. Торговля и снабжение населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. [Электронный ресурс] / Е.В. Демина. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/torgovlya-i-snabzhenie-naseleniya-vostochnoi-sibiri-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941#ixzz2jHPxLVRn>.
2. Орлов И.Б. Становление системы государственного централизованного нормированного распределения в СССР (1941-1943 гг.) [Текст] / И.Б. Орлов // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Материалы международной научной конференции (28-29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – С. 337-343.
3. Рубин, В.А. Экономическое и социально-демографическое развитие российских тыловых городов в период Великой Отечественной войны (на примере крупных индустриальных центров Южного Урала) [Текст]: монография / В.А. Рубин. – Оренбург: Изд. центр Оренб. гос. агр. ун-та, 2010. – 179 с.
4. Навести порядок в магазинах [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1942. 27 января.
5. Больше инициативы [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1944. 17 марта.
6. Нестеренко И. Упорядочить торговлю хлебом [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1944. 4 июля.
7. Надеждина Е. Хождение по мукам [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1944. 5 сентября.
8. По следам неопубликованных писем [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1945. 21 февраля.
9. Спекулянтка [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1941. 24 июня.
10. Кайгородов П. Оптом и в розницу [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1942. 25 января.
11. Орловский А. Сурово карать расхитителей социалистической собственности [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1942. 9 декабря.
12. Расхитители промтоварных карточек [Текст] / Магнитогорский рабочий. 1942. 15 декабря.

Прошлое и настоящее трудовых миграций в России

Миграция как совокупность территориальных перемещений населения, сопровождающихся изменением места жительства, имеет различную природу. В нашем случае это будет трудовая миграция, причинами которой, в первую очередь, выступают экономические отношения. Такая миграция известна с тех пор, когда люди стремились не только найти какую-либо работу, но и чтобы она приносила достаточный доход. В этом смысле субъектами трудовой миграции являются, преимущественно, работники, занимающиеся оплачиваемой деятельностью в государстве. Но если рассматривать трудовую деятельность несколько шире, затрагивая и феодальные производственные отношения, то, соответственно расширится круг субъектов трудовой миграции.

На территории современной России еще со времен Киевской Руси известны великие перемещения, связанные с трудовой деятельностью населения. Главная причина миграции крылась в периодическом истощении земель, и русский крестьянин рвался на новые земли. Первым примером здесь можно считать колонизацию славянами в X – XI вв. Ростово-Суздальской земли, являвшейся до этого времени глухой провинцией Киевской Руси. Опасность половецких набегов, экстенсивный характер земледелия, перенаселенность «старых» земель (Приднепровье), притязания киевских князей, их тиунов и дружинников заставляли крестьян искать лучшей доли на новом месте. Политическая раздробленность, начавшаяся в XII веке, усилила поток мигрантов в эти края. Спасаясь от кочевых набегов, а в последствии и от притеснений татар, земледельческое и ремесленное население заново колонизовало Залесский край. Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский связывали свои интересы с Ростово-Суздальской землей и широко занимались градостроительством. В новые города и земли потянулся поток колонистов, что способствовало росту производительных сил.

Следующей волной трудовой миграции стала, на наш взгляд, колонизация русскими Сибири, систематическое и прочное продвижение в которую началось походом казацкого атамана Ермака в 1581 – 1582 гг. Казаки шли в Сибирь ради добычи и привольного житья в сибирских просторах, изобиловавших всеми естественными богатствами. Предприимчивых «промышленников» привлекали меховые и земельные богатства Сибири. Широкий поток крестьянской земледельческой колонизации осваивал свежие плодородные земли Западной Сибири. Стремясь к развитию земледелия в самой Сибири, правительство приглашало крестьян к переселению в Сибирь и обещало им подмогу от казны и податные льготы, а также первое время смотрело сквозь пальцы, когда в Сибирь уходили и крепостные крестьяне, потерявшие право перехода. Экстенсивный характер развития сельского хозяйства способствовал и освоению в конце XVIII века южноукраинских и казахстанских степей, Прикавказья и Приуралья.

Другой стороной крестьянской миграции становилось их переселение в города, занятие другим видом деятельности и запись в городское сословие. Серьезной преградой на пути приобретения купеческого звания была сложная процедура юридического оформления самого дела. Для этого крестьянину требовалось получить согласие односельчан и заплатить определенную сумму откупных. Вступивший в купечество крестьянин, должен был платить одновременно и свои прежние подати и новые, как купец до очередной ревизии. Стремясь предотвратить уход крестьян из деревни в город, правительство, непрерывно повышало ценз для вступления в купечество и совсем запретило запись в мещанство к концу XVIII века. Но своими указами правительство не могло сдержать объективный процесс промышленного развития, способствующий оттоку сельского населения в города. Крестьянская реформа 1861 года юридически разрешила (дав крестьянам волю), расширила и ускорила этот процесс. Основными источниками российского пролетариата становились крестьяне, обладавшие нищенским наделом, и сельские кустари, не выдерживавшие конкуренции с промышленными предприятиями. Российский

рабочий класс постепенно начал отрываться от земли, хотя еще долго сохранял свою связь с деревней.

К трудовой миграции в России не остался равнодушным и XX век. Массовое переселение крестьян за Урал было важнейшим инструментом разрушения крестьянской общины во время столыпинской аграрной реформы. Форсируя этот процесс, правительство хотело ослабить земельный голод во внутренних губерниях России, а главное - отправить миллионы безземельных и бунтующих крестьян в Сибирь, подальше от помещичьих имений. Переселенцы были освобождены на длительное время от уплаты налогов, получали в собственность участок земли и денежное пособие; мужчины освобождались от воинского призыва. В первые годы после революции переселение развивалось быстрыми темпами, которые впоследствии несколько замедлились. Всего же с 1906 по 1913 гг. за Урал переселилось около 3,5 миллионов человек. Несмотря на энергичную поддержку переселенческого управления, часть переселенцев возвратилась обратно (17%) [1]. Но при всех недостатках и издержках переселенческая политика правительства имела прогрессивное значение. Новоселы освоили десятки миллионов пустующих земель, построили тысячи сел, дав толчок развитию производительных сил Сибири. Но русские крестьяне, не стесненные помещичьим гнетом и малоземельем, продолжали опираться на русские коллективистские традиции: общину сменила кооперация.

Советская добровольно-принудительная миграция отражала не только экономические, но и политические аспекты. Эпоха индустриализации и коллективизации оказала значительное влияние на изменение социально-территориальных общностей. И вновь, как и в XIX веке, произошло значительное увеличение рабочего класса за счет высвобождения сельских жителей. В 1926 – 29 гг. рабочий класс пополнился выходцами из крестьянских семей на 45% [2]. А в годы первой пятилетки крестьянство стало преобладающим источником пополнения рядов пролетариата. Оказавшись в непривычном для них мире, «новые рабочие» должны были пройти сложный период социально-психологической адаптации к индустриальному типу производства, к новым бытовым и культурным условиям. Вырванные из сложной системы общественных связей деревенского мира и сразу не интегрировавшиеся в городское общество, эти рабочие, в большинстве своем, были далеки от сознательного участия в общественной жизни, являясь удобным объектом политического и идеологического манипулирования.

В данном обзоре мы не будем подробно останавливаться на «великих» стройках советского государства, притягивавших мощный конгломерат рабочей силы, по преимуществу молодежи. Именно там наиболее ярко проявлялся не только экономический, но и идеологический характер миграционных процессов.

Период перестройки, последовавший за ним распад СССР, российские реформы коренным образом изменили характер трудовой миграции. В нашу задачу не входило освещение проблем внешней трудовой миграции рубежа XX – XXI веков, так как, на наш взгляд, эта тема является предметом отдельного изучения. Особенностью внутренней трудовой миграции в России на современном этапе является ее взаимосвязь с формирующимся рынком труда и подчиняющаяся его законам. На формирование российского рынка труда оказывает влияние миграция рабочей силы из бывших республик СССР в центральные области и из Китая на Дальний Восток. Еще одной чертой современности является скрытая трудовая миграция из провинций в крупные города, а, преимущественно, в Москву. Фактически бесправная наемная рабочая сила заполняет нишу малоквалифицированных специальностей, выполняя при этом роль иммигрантов в чужой стране.

Но в тоже время трудовая мобильность в нашей стране не достаточно развита по сравнению с европейскими странами и США. Этому способствует ряд обстоятельств: больших материальных и финансовых затрат требует не только переезд на новое место жительства, но и поиск работы и жилья. Если раньше служба занятости оплачивала переезд к новому месту работы, предложенному этой службой, то с ликвидацией Фонда занятости финансирование этих программ прекратилось.

Литература

1. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. – Ставрополь, 1993. – с. 386.

2. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. – М., 1991. – с. 194.

Социальный портрет чехословаков на Магнитострое

В период с 1929 по 1934 гг. на Южном Урале осуществлялось беспрецедентное для СССР строительство гигантского промышленного предприятия – Магнитогорского металлургического комбината. Советский Союз, не имея собственного опыта в проектировании, и строительстве подобных предприятий, стал привлекать для этих целей опыт передовых стран мира, а вместе с тем и иностранных специалистов и рабочих [1; 8]. Взаимодействие с зарубежными государствами происходило посредством деятельности Иностранного бюро СССР, которое имело тесные контакты с иностранными компаниями, такими как американские проектные компании «Фрейн», «Мак-Ки Квивленд» [1; 7,9] и компания посредник «AmtorgTradingCorporation» (Амторгом) [3; 11]. Инобюро СССР агитировало иностранную рабочую силу во многих странах мира, заключало с ними предварительные трудовые договоры. В дальнейшем оно урегулировало сложные вопросы и согласовывало остальные пункты (прибытие до места работы, взаимодействие с семьёй, судьбу рабочего по истечению трудового договора) трудовых контрактов с Инобюро Магнитостроя.

Состав рабочей эмиграции на Магнитострое в 1930-е годы по происхождению был разнородным и представлял собой выходцев из США, Центральной и Восточной Европы, Балкан, Скандинавии и т.д. в этом многообразии иностранных представителей весомую и относительно однородную группу составляют чехословацкие трудовые кадры, которые, на наш взгляд, заслуживают пристального внимания. Интерес к этой группе иностранных рабочих и специалистов обусловлен также тем, что они не были представлены крупными фирмами, сотрудничавшими с Магнитостроем, такими как американские и немецкие компании. Следовательно они могут представлять иную общность гастарбайтеров того времени.

Базовыми источниками исследования стали стандартные анкеты («Регистрационный лист иностранного подданного, проживающего на территории РСФСР») и личные дела чехословацких рабочих и специалистов, хранящиеся в МУ «Магнитогорский городской архив». Архивные данные показывают, что на строительство Магнитогорска чехословацкие рабочие и специалисты приезжали, преимущественно, с 1930 по 1932 год. В то же время хронологическая однородность приезжих, как это ни странно не совпадала с ее географическим показателем. Несмотря на то, что в описи дел иностранных рабочих Магнитостроя значилось лаконичное «чех» или «словак», на самом деле иностранец мог оказаться гражданином не только Чехословакии, но и США. Другими словами, в группу исследования попали чехословаки, которые определяли себя таковыми по национальному принципу.

Учитывая вышесказанное, можно выделить три группы чехословаков, работавших в Магнитогорске. Первая и, наибольшая по количеству, группа рабочих и специалистов прибывала, непосредственно, из Чехословакии, в которой вслед за США, как и во всей Европе, разразился экономический кризис [2; 338]. Вторая была представлена эмигрантами из США [3,6,9]; третью группу - единичные случаи – составляли чехословаки, оставшиеся на территории СССР после добровольной сдачи в плен в годы Первой Мировой войны [7, 2; 278]. Среди причин приезда на Магнитострой ведущей было отсутствие достойно оплачиваемой работы на родине. Многие иностранные рабочие ехали в строящийся Магнитогорск, чтобы заработать денег на проживание себе и хотя бы минимально обеспечить свои семьи. Доказательством тому служит значившийся в анкетах «низкий материальный уровень» [4]. Иностранцы специалисты были в большинстве случаев командировочными от фирм, сотрудничавших с Магнитостроем, и приезжали на Урал на короткие, строго ограниченные сроки.

По гендерному составу приезжавшие чехи и словаки были преимущественно мужчины трудоспособного возраста от 27 до 48 лет, и женщины от 17 до 48 лет [4,10]. Женщины в большинстве случаев приезжали в Магнитогорск вслед за мужьями, имели низшее образование

и были домохозяйками. Поэтому они включались в производственную жизнь города в очень редких случаях, посвящая свою жизнь в городе семейному быту. Впрочем, в общем правиле были и свои исключения. Примером может быть Анна Жекен, молодая девушка, которая приехала в Магнитогорск по собственной инициативе ввиду отсутствия места работы в Чехословакии [4]. Но это был единичный случай.

Заслуживает внимания уровень образования и профессиональный состав чехословаков, работавших в Магнитогорске в 1930-е гг. Большинство прибывавших иностранных рабочих имело среднее образование и такие профессии как плотник, железобетонщик, арматурщик. Остальные ограничивались низшим образованием и были по профессии кладчиками, прокатчиками. Как видно, по уровню образования они не отличались от советских рабочих. Тогда почему советское правительство всячески стимулировало их приезд во вновь строящийся город и металлургический гигант? Скорее всего, управленцев привлекал опыт иностранных рабочих, полученный в области индустрии, тогда как советские кадры в большинстве своем такого опыта не имели. Поэтому, дополнительно к выполнению рабочих и консультирующих функций в обязанности чехословацких рабочих и специалистов вменялось обучение советских рабочих, не имевших столь обширного опыта. Следует сказать, что от уровня квалификации иностранца зависел тип заключаемого с ним договора. Специалистам (плотникам, железобетонщикам, арматурщикам) предоставлялись более благоприятные условия проезда и проживания [5,11] нежели рабочим.

Таким образом, чехословацкий рабочий на Магнитострое образца 1930-х годов – это, мужчина трудоспособного возраста, прибывший в поисках работы, имеющий среднее образование и выполняющий функции технического учителя. Женщины, в большинстве своем были домохозяйками и приезжали вслед за своими мужьями, разделять все тяготы жизни на Магнитострое. В то же время, несмотря на кажущуюся однородность представленной группы, она была слишком пестрой по своему составу. Среди них были представители разных государств, специалисты и рабочие, беспартийные и представители социалистических/коммунистических партий, а, следовательно, с ними заключали разные трудовые договоры, которые предопределяли совершенно разные условия проживания и трудовой деятельности в Магнитогорске.

Литература

1. Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929 – 1941)/ Сборник документов и материалов. – Челябинск: Южно-Уральское кн. Изд., 1965. – 276 с.
2. Краткая история Чехословакии. – М.: Наука, 1998. – 576 с.
3. МУ Магнитогорский городской архив (МУ МГА). Фонд. 99. Опись. 8. Дело. 15. (Баран Михаил) Л. 1, 11.
4. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 227. (Жекен Анна) Л. 1.
5. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 256. (Коласа Франц) Л. 1.
6. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 44. (Блазичек Стефан) Л. 1.
7. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 45. (Блажек-Надводный Иосиф) Л. 1.
8. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 554. (Сибо Стефан) Л. 1.
9. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 569. (Сирокки Александр) Л. 1.
10. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 64. (Батык Анастасия) Л. 1.
11. МУ МГА. Ф. 99. Оп. 8. Д. 64. (Бубер Георг) Л. 1.

Студенты и студенческая жизнь Москвы на рубеже XIX-XX веков

Экономический рост России на основе капиталистических отношений был невозможен без динамично развивающегося образования. В 1855 году на российский престол встал император Александр II, с его правлением начались «Великие реформы». Они не могли не затронуть и систему высшего образования. Российские университеты занимали ведущее место в общественной системе. Это были учебные заведения, где готовили основные кадры: юристов, врачей, мыслителей и литераторов, чиновников госаппарата. Всесословный принцип формирования студенческого состава высших учебных заведений, способствовал развитию демократических традиций в их стенах[1].

Рассмотрим состав студенчества МГУ по нескольким критериям: сословной принадлежности, вероисповеданию и материальному положению. Общее большинство составляли потомственные и личные дворяне, чиновники, так же значительное большинство составляли студенты духовного сословия. Однако состав студенчества становится более разнородным. Среди различных сословий были свои факультеты фавориты, например, у потомственных дворян это был медицинский (42%) и юридический факультеты (31,2%), а историко-филологический факультет пользовался меньшей популярностью (7,5%). У духовного сословия популярен был медицинский факультет (28%), а физико-математический факультет привлекал их меньше всего (11,7%), крестьяне так же стремились поступить на медицинский факультет (66%). У представителей всех сословий наиболее востребованным был медицинский факультет, на нем обучалось 1156 студентов из 1876, менее востребованным был историко-филологический факультет всего 146 студентов из 1876.

В конфессиональном составе, абсолютное большинство среди студенчества МГУ составляли православные 1577 человек из 1876, они так же составляли большинство на всех факультетах. На втором месте были евреи – 99 студентов, 88 из них учились на медицинском факультете. Католиков и протестантов было 84 и 76 человек соответственно. В меньшинстве были магометане, всего один студент [2].

В 1863 году был принят новый Университетский устав, который принято считать самым либеральным в сфере образования дореволюционной России. По отношению к студентам были установлены определенные нормы. Студентами становились молодые люди, достигшие 17-летнего возраста и окончившие с успехом полный гимнастический курс и получившие аттестат или свидетельство. Прием студентов проходил один раз в год, перед началом учебного года. Полный учебный курс для медицинского факультета составлял 5 лет, для других – 4 года.

Студенты имели право получать стипендию, получение стипендии регулировалось особыми правилами: 1. Стипендии назначались малообеспеченным студентам отличникам, при одобрительном отзыве инспектора; 2. Стипендии и пособия назначались только лицам христианского вероисповедания. С каждого студента взималась плата за слушание лекций, которая вносилась за полгода вперед. Университет мог предоставлять отсрочку, уменьшать оплату до половины или совершенно освободить от нее. Плата за обучение в столичных университетах составляла 50 рублей, а в прочих 40 руб. в год[3]. Студенты могли так же учиться бесплатно. Так, например, студентов вносивших полную плату было большинство 998 человек из 1876, уменьшенную плату вносили 29 студентов, стипендии получали 432 человека, а 417 студентов училось бесплатно [4].

В своих мемуарах П. Н. Милоков лидер партии кадетов, будучи студентом историко-филологического факультета пишет: «...Мы издавна имели свою общестуденческую организацию для помощи бедным товарищам. Кандидатов на получение пособий было очень много, а средств - очень мало»[5].

Студенты снимали дешевое жилье. С середины XIX века район Тверского бульвара и Большую Козиху облюбовали московские студенты. Местность между обеими Бронными улицами и Палашевским переулком называли «Латинским кварталом» Москвы. На Большой Бронной и Козихе находились два дома домовладельцев Чебышевых – «Чебышевская крепость» или «Чебыши» – со студенческими квартирами. В своей книге «Москва и москвичи» В. Гиляровский писал: К началу учебного года на воротах каждого дома висели билетки – объявления о сдаче комнат внаймы. В половине августа эти билетки мало- помалу начинали исчезать» [6].

«Неизменными атрибутами студенческой квартиры были: грязь, холод, насекомые, полу – рухлядь, полу – мебель» - записал в своих воспоминаниях выпускник историко-филологического факультета МГУ П. Иванов. В месяц, в среднем за комнату выходило 25 рублей. Как правило в комнате проживало несколько человек. Часто не хватало одежды и обуви, приходилось ходить на лекции в университет по очереди: двое сидят на Моховой и записывают лекции, двое в комнате поджидают их и готовят скромный обед, а на следующий день они менялись. Мебели в комнате было по минимуму. На учебники и методички в среднем уходило от 10-50 рублей в год, в зависимости от факультета и курса.

Обедали студенты на квартирах, кухмистерских, столовых или пользовались домашними обедами, которые входили в стоимость комнаты. Так же были бесплатные комитетские столовые. Качество домашних обедов зависело от кулинарных качеств хозяйки [7]. Студенческие столовые не приносили дохода, вырученные средства шли на обеды студентам. Например, в Москве с 1908 года действовало «Общество студентов Московского государственного университета по устройству студенческой столовой» [8].

Большинству студентов приходилось совмещать учебу с работой. Работа в каком-нибудь земском ведомстве доставалась студентам с большим трудом и отнимала все время, необходимое для учебы. За право стать репетитором ребенка состоятельных родителей разгорались нешуточные баталии. А после того, как в гимназиях были резко снижены требования к знанию древнегреческого и латинского языков, наем репетиторов-студентов практически прекратился.

Существовали бюро труда, в которых подыскивалась подработка для студентов. При распределении мест в первую очередь помогали наиболее нуждающимся студентам. В 1898 году в бюро труда МГУ поступило 1248 заявок, а предложенных вакансий было 256, из которых разобранных было 232. В 1901 г. 890 заявок поступило в бюро и только 201 студент получил работу. По этим данным можно судить об эффективности таких бюро, их востребованность среди студентов стала падать [9]. Характерной чертой студенческого заработка является его случайность и непостоянство.

Однако, не смотря на тяжелые условия быта, студенты всегда находили время для отдыха и развлечений. Долгожданным праздником студентов был Татьянин день. В 60-е годы 19 века 25 января становится неофициальным студенческим праздником, который делился на официальную и неофициальную части. К официальным торжествам относились: обед в столовой, молебен в университетской церкви, обращение ректора к студентам и вручение наград. После этого начиналась неофициальная программа. Традиционным считался обед в «Эрмитаже» – одном из самых дорогих и роскошных московских ресторанов. Роскошная мебель заменялась на простые столы с лавками, дорогие зеркала убирались, а полы покрывались толстым слоем опилок [10]. А. П. Чехов в одном из своих шуточных фельетонов в 1885 году писал о московском студенческом празднике: «В этом году выпито все, кроме Москвы-реки, и то благодаря тому, что она замерзла...»

Непосредственное наблюдение за порядком в помещениях высших учебных заведений возлагалось на вольнонаемных педелей. Главная функция надзирателей заключалась в слежке за студентами с целью обнаружения их «недозволенных» сборищ.

С 1881 года правительство проводит контрреформы, которые затронули и высшую школу. В 1884 году был принят новый Университетский устав, работа над которым началась еще при Александре II. Новый устав ограничивал автономию университетов. Большое внимание устав уделял контролю уровня знаний студентов. Государственные экзамены должны были принимать не профессора университетов, а чиновники из Министерства народного просвещения и другие

специалисты в составе особых комиссий. К испытанию допускались студенты, которым было зачтено установленное число семестров[11]. Эта мера должна была повысить уровень и качество образования. П.Н. Милюков вспоминает как сдавались экзамены до устава 1884 года: «Приближалось время выпускных экзаменов, и я - слишком поздно - заметил многочисленные пробелы, образовавшиеся у меня в результате непосещения лекций. Старый гимназический способ покрыть эти пробелы состоял из нескольких бессонных ночей, проведенных над лекциями при помощи крепкого чая. В университете этот способ облегчался снисходительностью профессоров...» [12].

До 1884 года у студентов не было формы, и одевались по последнему шику студенческой моды 60-х годов: особо «радикальные» носили длинные волосы, широкополую шляпу, нахлобученную на глаза, плед на плечах и очки, что придавало им серьезность и солидный ученый вид. Не миновала В. О. Ключевского и студенческая мода: так же в письме родным писал, что стал заботиться «об отрощении и беспрепятственном рощении волос на голове и взлелеянии баков». Начал курить - «валялся на диване с папироской, созерцая темный потолок и помышляя о делах человеческих».

Новый университетский устав 1884 года ввел обязательную студенческую форму: мундиры, сюртуки, пальто с гербовыми пуговицами и фуражки с синими околышами. Тогда модно стало носить потертую фуражку и расстегнутый сюртук. Ношение форменной одежды должно было скрыть социальное расслоение студенчества, однако, единообразный костюм этого не скрывал. Обязательная форма облегчала наружное наблюдение за студентами со стороны полиции общегосударственной и «академической».

Государство уделяло внимание развитию высшей школы в стране и увеличению его качества. Образование становится всеобщим, однако, государство сдерживает поток желающих из малоимущих сословий и отрицает студенческие корпорации, чтобы предотвратить появление новых антиправительственных организаций.

Литература

1. Университетские реформы в России: общественная мысль и практика: Вторая половина XIX в. / А. Н. Донин. – Саратов, 2003 (СГСЭУ). – 256 с.
2. Университеты и средние учебные заведения по переписи 20 марта 1880 г. – СПб., 1888.
3. Университетский устав 1863 года. СПб., 1863.
4. Университеты и средние учебные заведения по переписи 20 марта 1880 г. – СПб., 1888.
5. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. (1859-1917) / П. Н. Милюков. – М.: Современник, 1990. – 446 с.
6. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 480с.
7. Иванов П.К. Студенты Москвы. Быт. Нравы. Типы. М. 1903.
8. Кооперативные организации: студенческое предпринимательство / А. Иванов // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2001, №4. – С.34-39.
9. Там же.
10. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 480с.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание (1881-1913) Том IV (извлечение) №2404.
12. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. (1859-1917) / П. Н. Милюков. – М.: Современник, 1990. – 446 с.

Проблемы государственного управления в условиях постинформационного общества

О кризисе государства конца XX века заговорили впервые западные политологи Х.Булл и И.Фергюсон. Они констатировали проявляющуюся неспособность современных государств полностью контролировать свою территорию, проводить суверенную политику, обеспечивать этническую целостность общества, не допуская его распада. Под сомнение ставилось качество информационного ресурса государства, адекватность информационного обеспечения решений, способность государства выразить общенациональный интерес.

Проблема кризиса государства была поставлена ими и осознается сегодня как проблема адекватности традиционных функций государства современным требованиям управления в условиях быстро и во многом меняющегося мира. К факторам современного кризиса государства относятся, прежде всего, изменения в технологиях, в мировых экономических и политических отношениях.

Современные коммуникации в целом и информационные потоки в особенности привели к тому, что процесс интернационализации экономики вышел на новый уровень. За ним закрепился термин «глобализация». Глобализация проходит по территории растущего числа государств, содействуя их регионализации, выделению перспективных и неперспективных регионов. Могут не только стираться границы между государствами, но и теряться значение былой государственной целостности. Такого рода регионализация ведет к потере национального суверенитета, локализации внешней политики и международных отношений.

Для российской государственности перспектива кризиса в связи с глобализацией тоже возможна. Пока наблюдаются только фрагменты вовлечения некоторых регионов в процесс глобализации: Приморский край, Калининградская область. Теневой стороной этого процесса будет сохранение и даже усиление разрывов в уровне развития.

Есть регионы, потенциал которых достаточен, чтобы рассчитывать на приобретения от вхождения в сферу глобализации, как Москва, которая аккумулирует не только российский, но и мировой капитал, идущий в Россию. Однако большая часть регионов, теряя государственную защиту, могут стать только пассивным пространством для распространения тенденций глобализации, беднея и превращаясь в социальную пустыню из-за миграции населения в районы более экономически развитые.

Актуализируются вследствие глобализации и регионализации и неблагоприятные последствия распада традиционного национального государства. Государство сталкивается с новой волной национализма, ростом мининационализма, региональных, этнических требований независимости. Так в Европе, исторической родине современного национального государства, есть регионы с признаками мятежных территорий (Северная Ирландия, Каталония, Страна Басков, Корсика, Рон-Альпы) с очень разными по позициям этносами, амбициозным городским населением, итальянской мафией. Мятежные регионы можно обнаружить на всех континентах.

Требования большей самостоятельности и независимости от Центра, которые идут от малых этносов, больших регионов, городов могут приводить к рождению новых государств и к превращению внутригосударственных границ во внешние. Распад СССР, Югославии, Чехословакии показал, что многонациональные государства не выдерживают испытания полиэтничностью. По этой же причине к проблемным государствам можно отнести Канаду, Индию, в Африке - Сомали, Эфиопию, Конго.

Кризис государства проявляется и в том, что его возможности быть независимым (государственный суверенитет) ограничены. Территории государств все более опутываются линиями и нитями, которые идут от ТНК, сети Интернет. Преступность интернационализируется. Особенно опасны для государства наркомания и коррупция. Принципы территориальной целостности и нерушимости границ остаются принципами международных отношений. Но они

теряют свое былое значение. Государства теперь все более зависимы не столько от целостности своей территории, сколько от приобретения своей ниши на мировом рынке.

Кризис государства проявляется в сложной эволюции стандартов государственного управления и государственной службы. Государственная служба сближается с бизнес-менеджментом по целям, стратегиям, технологиям, структуре и стандартам. Очевидно, что с переходом результатов деятельности теми или иными показателями прибыли может происходить рост эффективности государственного управления. Но одновременно возможны деградация государственной службы как функции представительства интересов общества, ослабление доверия к государству.

В России с высокой коррумпированностью чиновничества это может оказаться новой ступенью отчуждения общества от государственной власти, спада поддержки правящих кругов со стороны больших и влиятельных групп гражданского общества, повышения активности сил, которые прямо противостоят власти.

С увеличением числа акторов мировой политики государство перестает быть единственным унитарным носителем национальных интересов. В условиях интеграции и глобализации, универсализации прав человека как максимы международных отношений, обострения проблемы охраны окружающей среды содержание национального интереса как бы растворяется.

С ослаблением беспорности монополии на представительство национальных интересов прибавились сомнения в способности государства адекватно выражать национальный интерес. Он стал рассматриваться не как рациональное понятие, а как результат компромисса, реализация возможного при несовпадающих интересах различных групп политической и бюрократической элиты. Истина усматривается в том, что государственные политические стратегии могут выражать не столько действительно общие интересы и позиции, сколько интересы определенных, очень влиятельных групп.

Ответом на возникающие кризисы в государстве является существенное изменение его функций. Государство предпочитает не дожидаться состояния катастрофизма, тем более приближения революционной ситуации, а ориентируется на изменения, которые хотя бы частично смягчают остроту кризиса и ведут к большей стабильности и устойчивости в развитии. Характерное для государства индустриального общества функционирование на основе столкновения и взаимопроникновения либеральной и социалистической моделей уступает место кризисному или конфликтному управлению. Государственные функции рассматриваются сквозь призму прежде всего предупреждения и регулирования реальных социальных и политических конфликтов.

История Магнитостроя как средство создания исторической памяти

Первая половина 1930-х гг. стала одним из решающих этапов на пути создания сталинской модели социализма. Магнитогорск рассматривался как идеальная модель города будущего. Он воплощал мечту о совершенном социальном устройстве, коллективном быте и жизни нового человека в нем. У Магнитогорска не было истории, но советская пропаганда создала мифологию, которая до сих пор коренится в сознание населения страны. Отсутствие исторического прошлого, как один из критериев нового города, способствовало формированию в Магнитогорске иной системы ценностей. В основе последней стоял жертвенный труд и энтузиазм ради светлого будущего следующих поколений. Значительный вклад в формирование исторической памяти о Магнитогорске должна была внести «История Магнитостроя».

В данном исследовании мы попытаемся показать процесс создания «Истории Магнитостроя» и то, каким образом формировалась историческая память о буднях великих строек в годы индустриализации. Обращаясь к данной проблематике, мы используем в работе источники различных видов, а именно, делопроизводственную документацию и источники личного происхождения, отобранные в центральных (ГАРФ), региональных (ОГАЧО, ГАСО, ЦДООСО) и местных архивах (МУ МГА). Кроме того, в исследовании мы используем материалы устной истории. Разнообразные виды исторических источников позволяют не только понять реальную историческую действительность в новом индустриальном центре, но и увидеть, как пытались сформировать «историю» крупнейшего металлургического центра времен первых пятилетних планов.

В сентябре 1931 г. А.М. Горький выступил в центральной прессе с призывом написать «Историю фабрик и заводов». Уже 10 октября 1931 г. было издано Постановление ЦК ВКП (б), организовавшее Главную редакцию для подготовки серии книг данной тематики. Об истории Магнитогорска предполагалось издать следующие книги: «Предыстория магнитогорского завода» (В. Шкловский) [1], «История проектирования» (Е. Грекулов), «Плотина» (С. Бондарев), «Строительство дамбы» (А. Зувев), «Коксохим и ЦЭС» (Д. Фибуха), «Мартен и прокат» (С. Гехт), «Быт и Соцгород» (И. Ивич). Однако по ряду причин написание «Истории» прекратилось. В 1960-е гг. магнитогорский писатель Н. Воронов и его коллега Н. Евдокимов по договоренности с секретарем горкома партии П.А. Щербаковым пытались написать трехтомную историю Магнитогорска за три года. Однако отсутствие финансирования не позволило даже приступить к работе.

Историки в целом неоднократно обращались к теме истории фабрик и заводов. В 1930-е гг. обращение к этой проблематике осуществлялось в рамках горьковского начинания. Научные обобщения были изложены в статьях А.М. Панкратовой, Я.И. Грузинского и самого А.М. Горького. После разоблачения культа личности И.В.Сталина интерес к истории фабрик и заводов возобновился. В 1950-е гг. были опубликованы работы Л.М. Зак, Л.Н. Иокар, М. Михалева, М.Д. Розанова, Б.И. Шабалина. В 1960-1980-е гг. интерес к проблемам создания ИФЗ не ослабевает. Наиболее фундаментальные работы принадлежали перу Р.Я. Окуневой, А.М. Панфиловой, В.К. Пирогову. В 1997 г. была опубликована монография С.В. Журавлева «Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте 1930-х годов», в которой внимание уделяется ранее не изучавшимся аспектам (стадии деятельности издательства, вклад историков, литераторов, рабочих в создание ИФЗ) [2]. Однако все перечисленные работы не рассматривали предметно создание Истории Магнитостроя, а тем более применительно к ее влиянию на историческую память о легендарной Магнитке. Целью данного проекта является прежде всего рассмотрение «Истории Магнитостроя» как попытки со стороны государства создать необходимую историческую память о Магнитогорске. Особое значение для раскрытия

темы имеет изучение материалов фонда Главной редакции «История фабрик и заводов» (№ 7952) Государственного архива Российской Федерации, в котором о создании Истории Магнитостроя сохранилось весомое количество документов.

Работа над «Историей» фактически началась с 1931 г., когда в город начали прибывать литераторы и писатели, задействованные в ее создании. В 1936 г. члены редколлегии «ИФЗ» начали в массовом порядке сбор воспоминаний магнитогорцев о строительстве. С этого момента начался процесс формирования необходимой государственным структурам исторической памяти. Стенограммы бесед с участниками событий засвидетельствовали ряд моментов, которые отражают процесс формирования исторической памяти о строительстве Магнитогорска и металлургического комбината. Во-первых, не все респонденты изъявляли желание делиться своими впечатлениями и участвовать в создании «ИФЗ». Многие отказывались говорить о прошлом в Магнитогорске, жаловались на плохое самочувствие и головные боли. Но список людей, которых необходимо было опросить, никто менять не собирался. В результате респонденты в буквальном смысле мучились как на допросе, а некоторых даже заподозрили в сокрытии какой-то важной информации. При этом никто не учел того, что память возвращает в воспоминания о прошлом ушедший страх и ушедшую надежду. Скорее всего, респондентам было действительно сложно вновь окунуться в наиболее трудное для них время – первые месяцы пребывания в Магнитогорске.

Однако значительное число респондентов с удовольствием приняли участие в подобном проекте. Магнитогорцы говорили о том, что им интересно, чем они жили, о чем беспокоились. Порой в ходе беседы возникали самые неожиданные сюжеты, любопытные детали прошлого. Но редакцию интересовала конкретная информация о подвигах, энтузиазме и героизме. Неоднократно в стенограммах встречаются реплики: «Не отвлекайтесь от главного. Рассказывайте о трудовом энтузиазме» [3]. Таким образом, происходила подмена «Я-идентичности» «Мы-идентичностью». Не всегда сюжеты коллективной памяти важнее сюжетов памяти индивидуальной. В материалах архивного кабинета «ИФЗ» отмечается, что «не все воспоминания ценны, часть воспоминаний нуждается в весьма основательной проверке» [3].

Несмотря на то, что идея создания «Истории Магнитостроя» не была реализована, основные постулаты, отраженные в ней перекочевали в другие издания о Магнитогорске и сформировали своего рода клише в подаче истории легендарной Магнитки. Опрос населения показывает, что по сей день более 60% респондентов (представители различных возрастных групп, проживающих в Магнитогорске в настоящее время) уверены в том, что в город ехали исключительно комсомольцы и добровольцы строить светлое социалистическое будущее. Подобные устойчивые представления о прошлом, бытующие в общественном сознании магнитогорцев и представляют, по сути, историческую память, основы которой были заложены советской пропагандой и деятельностью ИФЗ.

Исторической памяти свойственны не только рациональная, но и эмоциональная оценки прошлого. Историческая память – это объект целенаправленного государственного воздействия. Историческая память – часть общественного сознания, а потому она не столько персонифицирована, сколько социальна. Хранителем ее выступают социальные общности: семья, нация, государство. Историческая память устойчива, консервативна. Вот тот набор причин, по которым магнитогорцы оценивают прошлое своего города.

Литература

1. Шкловский В. Предыстория горы Магнитной / В.Шкловский // Тридцать дней. 1935. № 4. – С. 4-12.
2. Журавлев, С. В. Феномен «истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х гг. [Текст] / С. В. Журавлев. – М. : ИРИ РАН, 1997. – 214 с.
3. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 2. Д. 99. Л. 7.

Правотворчество Временного правительства в отношении милиции

Императорская власть в Петрограде прекратила свое существование 27 февраля 1917 года. Для поддержания порядка Государственная Дума сформировала в этот день Временный комитет Государственной Думы, а 1 марта образовала Временное правительство. За недолгий период существования Временного правительства им был проведен ряд реформ, направленных не на коренное изменение системы, а, скорее, на поддержание порядка. В том числе создание милиции, которая сменила ранее существовавшую полицию. Как отмечал В.И. Ленин, «во всех буржуазных республиках, даже наиболее демократических, полиция является главным орудием угнетения масс (как и постоянная армия), залогом всегда возможных поворотов назад к монархии». Возможно поэтому, признавая демократические принципы в качестве основных в организации государства после победы Февральской революции Временное правительство, вынуждено было упразднить в Министерстве внутренних дел Штаб отдельного корпуса жандармов (6 марта 1917 г.), Департамент полиции (10 марта 1917 г.). В результате полиция как организованная вооруженная охрана перестала существовать [3]. Хотя формально Министерство внутренних дел под руководством князя Г.Е.Львова, одновременно совмещавшего пост Председателя Совета министров, сохранялось.

Соблюдая преемственность, и, очевидно, опасаясь потерять контроль над ситуацией одновременно с упразднением Департамента полиции учреждалось Временное управление по делам общественной полиции. Это означало ликвидацию старых правоохранительных структур: бывших полицейских отправляли на фронт. Следует отметить одну особенность, что первоначально, проводя реорганизацию правоохранительных органов, Временное правительство не стремилось сменить их название. Была предпринята попытка избавиться лишь от «ненавистных» народу революционерам ее составляющих. Как видно, продекларированные изменения были скорее популистскими мерами, нежели реальными преобразованиями. Впрочем, сложившаяся ситуация требовала от нового правительства большего. В результате на заседании Временного правительства от 22 марта 1917 г. было принято решение «...организовать временную милицию, не стесняясь законами, относившимися к бывшей полиции» [2], которая обладала большими полномочиями. Такое решение вполне обосновано, т.к. правотворческий процесс требует обдуманной и взвешенных решений, т.е. трату значительного количества времени. В условиях революции это было просто невозможно. Поэтому, заменив раздражающее для масс и революционеров название, министры сделали попытку сохранить уже имеющееся. Однако, путем смены одного названия сдержать начавшиеся изменения также не удалось: революционная ситуация требовала с одной стороны быстрых решений, с другой – учета интересов большего количества населения страны. Кроме того, ликвидация института губернаторства, начавшиеся изменения в системе самоуправления, последствия политической и уголовной амнистии требовали более весомых решений.

Спустя три недели 17 апреля 1917 г. Временным правительством было утверждено «Временное положение о милиции» состоящее из VII разделов [1], которое закрепило правовые основы ее деятельности. Во временном положении говорилось о том, что милиция становится исполнительным органом государственной власти на местах, состоящим в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений [1]. Их полномочия распространялись на все уезды с уездными и безуездными городами, посадами, местечками и селениями, находящимися в них. Как видно, «Положение» декларировало децентрализацию милиции. Она должна была подчиняться местной, а не центральной власти, да и полномочия распространялись на уезды, а не на губернии. Остальные учреждения органов внутренних дел были переданы Министерству юстиции и военным ведомствам.

Новое «Положение» давало смутно очерченные характеристики нового милиционера. Назначаться на должности сотрудника милиции могли только лица, состоящие в русском

подданстве и достигшие 21 года [1]. Документ не содержал главных характеристик: наличие образования, его качество, опыт работы в правоохранительных органах и т.п.

Прописывало «Положение» функции народных милиционеров. Полномочия милиции были представлены тремя группами. 1) охрана общественной безопасности и порядка: своевременное оповещение населения о распоряжениях правительственных и общественных властей и об исходящих от них объявлениях и извещениях; охрана прав гражданской свободы; выдача удостоверений о личности, а также всех других предусмотренных действующими постановлениями удостоверений; задержание лиц, бесчувственно пьяных, душевно-больных и других, пребывание которых на свободе сопряжено с непосредственной опасностью для них самих или для окружающих[1]. 2) по делам судебного ведомства: представление суду обвиняемых и других лиц, по требованию суда вызываемых; вызовы к явке в суд для ответов, выслушивания решений и т. п. 3) по делам военного ведомства относятся: обязанности по учету и призыву на действительную службу чинов армии и флота[1].

Регламентация функций милиционера не исчерпывала вопросы правотворчества Временного правительства в отношении милиции. Особо стояли вопросы финансирования милиции. Основное положение, которое выдвигало Временное правительство относительно данного вопроса, сводилось к тому, что народная милиция должна финансироваться из средств бывшей полиции. Реализовать это не удалось, т.к. МВД дало распоряжение о расходовании лишь половины заявленной суммы. Дополнительные средства на ее содержание должны были изыскивать органы местного управления, которым она подчинялась. Отдельно стоял вопрос о выплате в полном объеме денежного содержания чинам бывшей полиции: имеющий законную силу Циркуляр не финансово не обеспечивался. Впрочем, Временное правительство вновь действовало по установленной для себя схеме: сбросить всю ответственность на местный уровень.

В результате, к концу апреля 1917 г. созданная в регионах революционная милиция отличалась самыми разнообразными формами, которые напрямую зависели как от возникавших в ходе революции общественных формирований, так и непосредственно от творчества самого населения. Попытки Временного правительства упорядочить работу по созданию милиции на местах, придать ей единообразный характер в большинстве случаев к успеху не приводили [3]. В Петрограде с осени 1917 с альтернативными правотворческими функциями все более настойчиво выступал Петроградский Совет, который как раз и уловил местную правотворческую инициативу создания рабочей милиции и вывел ее на общегосударственный уровень [2].

Таким образом, оценивая процесс правотворчества Временного правительства в отношении милиции, следует сказать, что был пропущен первый этап этого процесса – подготовка к принятию нормативно-правового акта. Временное правительство вынуждено было действовать в рамках революционной ситуации, учитывать мнения различных политических сил и ситуацию, развивающуюся на местах. Кроме того, существовало еще одно серьезное препятствие: отсутствие возможности привлечь к правотворческому процессу необходимых специалистов, которые ассоциировались с императорской властью, а, следовательно, их задействованность в процессе правотворчества была нежелательна. В целом, процесс правотворчества Временного правительства в отношении милиции носит чрезвычайный характер, а отсутствие возможности реализации принятых ими нормативно-правовых актов на практике не дает возможности в должной мере их оценить и говорит скорее о несвоевременности или недостаточности принятых документов.

Литература

1. Гринько Е.Д. Журнал заседаний Временного правительства за март-апрель 1917- М.: РОССПЭН, 2001. – 303 с.
2. Демин В.А., Иванов В.Е., Лучинин А.В., Ляушин В.П. Очерки истории органов внутренних дел Российского государства. – Екатеринбург, 2001.
3. Романов В.И. Революционное правотворчество на Урале в начальный период Февральской революции // <http://www.lib.csu.ru/vch/135/010.pdf>

**Социально - сословный состав городского населения Нижегородской губернии
(по итогам первой Всероссийской переписи населения 1897 г.)**

Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. содержит обширный статистический материал, анализ которого позволяет составить сословно-социальный портрет городского населения Нижегородской губернии. Особенно ценными являются данные о сословном составе и социальных характеристиках населения уездных городов, т.к. архивные материалы, сохранившиеся для исследования, отрывочны и неполны.

В конце XIX в. в городах Нижегородской губернии проживало 143 031 человек, что составляло 9% от всего ее населения (1 584 774 человек).

В целом по губернии в составе городского населения губернии преобладали представители сельских сословий – почти 613 тыс. чел., что составляло более половины (50,84%) городских жителей. Это свидетельствовало об активной миграции сельских жителей в города в поисках заработка для поддержки своих семей в деревне. Фактически городские жители, представители этой социальной группы, официально числились в сельском сословии, что было одной из важнейших социальных характеристик переходного периода пореформенной России второй половины XIX в.

Значительную группу городского населения составляли мещане, купцы, почетные граждане. Представители этих сословий в городах Нижегородской губернии составляли более 38% (54 855 человек). Привилегированные сословия в составе городского населения составляли по численности чуть более 9%: дворянство – 9.915 человек (6,9%); духовенство – 3 330 человек (2,3%) [1].

В городах губернии городское население было распределено неравномерно. Прежде всего, обращает на себя внимание численность жителей губернского города Н.Новгорода – более 90 тыс. человек (63% всего городского населения губернии). В других городах численность населения была значительно меньше.

Сословный состав населения городов губернии также имел свои особенности. Если в целом по губернии представители сельских сословий составляли более половины городского населения, то по отдельным городам картина несколько иная. Только в трех городах (Н.Новгороде, Княгинине и Сергаче) численность сельских сословий была преобладающей. Особенно выделяется Сергач, где почти 85% его жителей были «приписаны» в сельские сословия. Значительно меньше их было в Макарьево (14,8%) и Семеново (20,3%). В других уездных городах представители сельских сословий составляли 35-45% [1]. Таким образом, хотя доля сельских сословий в населении городов Нижегородской губернии и была значительной, только в 3 из 11 она превышала половину городского населения.

Вторую по численности группу жителей городов составляли почетные граждане, купцы и мещане. В Н.Новгороде они составляли 36,8%, что примерно соответствовало общегубернскому показателю. Эти традиционные для городского населения сословия и в конце XIX в. составляли его основную часть: в 7 из 11 уездных городов их доля составляла более половины, а еще в одном (Лукоянове) превышало общегубернский показатель. Только в двух городах (Княгинин и Сергач) их доля была значительно меньше (20,1% и 9,7% соответственно), где преобладающим было представительство сельских сословий [1]. Эта группа сословий, была социально-экономической основой жизни города, обеспечивая его экономическое состояние и развитие, социальную стабильность.

Рассмотренные группы представителей сельских и городских сословий в целом составляли почти 90% городского населения губернии. В уездных городах ситуация фактически полностью повторяла общегубернскую, т.к. диапазон этого показателя был очень узок (89-92%).

Всего лишь десятую часть городского населения составляли сословия дворян и духовенства. В целом по губернии доля дворян в городах (6,9%) была в три раза больше, чем духовенства (2,3%). Однако в городах губернии это соотношение достаточно заметно разнилось. В губернском центре численное преобладание дворян над духовенством было еще более значительным (8,8% против 2,3%). При этом необходимо отметить, что в Н.Новгороде было сосредоточено более 63% всего духовенства, проживающего в городах губернии. Остальная его часть была представлена в городском населении 2-3 процентами от его общей численности. Только в Арзамасе доля духовенства составила 4,7%, что было самым высоким показателем для городов Нижегородской губернии.

Представители дворянского сословия в уездных городах губернии были представлены долей в 3-5%. Из общего ряда более высоким показателем выделяются Княгинин (7,5%) и Лукоянов (7,8%), а самым низким – Макарьев (2,9%) [1].

Таким образом, представители этих сословий, играя большую роль в социокультурном, духовном и административном развитии городов, составляли в численном отношении сравнительно небольшую группу.

В конце XIX в. в России продолжал действовать Свод законов Российской империи, определяющий положение сословий. Согласно закону существовали четыре основных сословия: дворянство, духовенство, городское население и сельское население. Однако, в связи с переходом к капиталистическим отношениям, социальное деление общества стало изменяться. Хотя по-прежнему основу социальной структуры формально составляли сословия, однако на практике параллельно с существующими сословиями происходило формирование элементов классового общества – буржуазии, пролетариата и интеллигенции. В городской среде преобразованию сословий в классы способствовал высокий уровень межсословной мобильности. Тесно взаимодействовали крестьяне, городские обыватели и военные, так как главным образом за счет крестьянства обеспечивалось воспроизводство городского населения и армии.

Подводя итоги, можно сказать следующее. В городах губернии городское население было распространено неравномерно. Так, численность жителей Н.Новгорода составляла 63% всего городского населения губернии. Остальные города губернии были небольшими и играли прежде всего роль административных центров на своих территориях. По-настоящему социокультурным центром в губернии был только Н.Новгород. В целом по губернии в составе городского населения преобладали представители сельских сословий (50,84%). Представители этой социальной группы продолжали официально числиться в сельском состоянии, что было одной из важнейших характеристик переходного периода пореформенной России второй половины XIX в. Почти 90% городского населения губернии составляли представители городских и сельских сословий. Что касается представителей привилегированных сословий – дворянства и духовенства - они, играя большую роль в социокультурном, духовном и административном развитии городов, составляли лишь десятую часть городского населения губернии. Для рассматриваемого периода характерно «размывание» традиционных сословий, сословная принадлежность и реальное социально-экономическое положение человека все более не совпадают. Сословный статус постепенно переставал играть ведущую роль в общественных отношениях. На месте сословий во второй половине XIX в. формируются классы.

Литература

1. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. XXV Нижегородская губерния. Тетр. 2. Спб 1904 г. Изд. Центрального комитета МВД. – 227 с.
2. Попова, В.В. Изменение в составе городских сословий России в конце XIX – начале XX вв. // Наука и бизнес: пути развития №7(25) 2013 г.
3. Попова, В.В. Сословный и социальный состав городского населения Нижегородской губернии (по материалам Первой Всероссийской переписи населения 1987 г.) // Социально-политические науки №2 2013 г. – с.17-20

«Честный труженик и сердечный человек» - Аксель Гассельблат и шведский опыт на Тирляндском заводе

В середине XIX в., когда в металлургической промышленности большинства государств Европы и США уже широко применялось каменноугольное топливо, лишь в двух европейских странах — Швеции и России — продолжала безраздельно господствовать древесноугольная металлургия. Этому способствовали исключительно благоприятные для обеих стран географические и природно-климатические факторы: огромные массивы еще нетронутых хвойных и лиственных лесов, крупные залежи высококачественных железных руд, большие запасы гидравлической энергии во множестве горных рек и речек, удобство транспортировки готового железа по внутренним водным путям. Кризис, начавшийся в это время в Швеции вызвал безработицу среди населения. В поисках работы шведы эмигрировали за границу. Потоки эмигрантов устремились в США, Канаду, Южную Америку, Австралию. Некоторое количество шведов, занятых в металлургическом производстве, решили эмигрировать в Российскую Империю.

Развитие промышленности Урала изначально шло при немалом участии шведских специалистов. Во-первых, в результате Северной войны на Урал отправлялись пленные шведы. В ведомости Сибирского приказа, в ведении которого находилась не только Сибирь, но и Приуралье, направленной в 1711 г. в только что учрежденный правительствующий Сенат, сообщалось, что к 1710 г. на Урал прибыло до 17 тысяч пленных шведов. Некоторых пленных сразу стали использовать на государственной службе. Многие из шведских пленных остались в России на Урале и стали работать по своей профессии.

Во-вторых, Уральские металлургические заводы строились с учетом технических достижений и опыта лучших металлургических заводов Западной Европы, в том числе и Швеции. Главная проблема, с которой сталкивались владельцы промышленных предприятий в России - дефицит профессиональных менеджеров и квалифицированных мастеров. В связи с этим появилась необходимость в наемных управляющих. Заводчики понимали, что для успешного развития производства, необходимо использовать передовой иностранный опыт, представленный в различных формах: импорт техники и оборудования; покупка права использования запатентованных изобретений у их непосредственных авторов; поездки технических специалистов, владельцев предприятий или их агентов за границу для освоения новых технологий и производственного опыта. Одной из форм последнего было приглашение зарубежных специалистов на технические и административные должности для организации производства, установки машин и оборудования, а также для обучения русских специалистов.

После покупки Белорецкого горного округа деятельность компании «Вогау и К» отличалась активным акционированием железоделательного производства, направленным на его развитие и модернизацию. В 1873 году на Южный Урал механиком Тирлянского металлургического передельного завода торгового дома «Вогау и К о» был приглашен горный инженер 25-летний финский швед лютеранского вероисповедания, сын военного врача в городе Выборге Аксель Эмиль Гассельблат (Аксель Эмильевич, Алексей Иванович). Изумительная природа «русской Швейцарии», неисчислимы богатства недр и возможность реализовать свои знания в освоении края на всю жизнь привлекли внимание молодого инженера, ставшего родоначальником Уральской ветви рода Гассельблат. Весной 1876 представитель нерентабельного металлургического Пашковского завода на Урале Алексей Гассельблат посетил один из первых и наиболее передовой металлургический завод Дегерфорса в Швеции. А. Гассельблату удалось пригласить для работы на Урале пожилого женатого кузнеца Олафа Фриберга и молодого холостого кузнеца Юхана Скуга – рабочих завода Дегерфорса и получить чертежи современных шведских печей. После их приезда на Тирлянский завод были построены печи шведского Лагерхельмско-Нанфельдского типа. Завод входил в состав «Акционерного общества Белорецких железоделательных заводов Пашковых». Кроме Тирлянского в АО входили Белорецкий доменный за-

вод и 187 163 десятин земли. В связи с устаревшей технологией производства металла, заводы более 40 лет были убыточны. Предстояло менять технологические процессы, внедрять современные шведские методы выплавки и обработки чугуна и железа.

Шведская новая технология трудно приживалась на заводе, где русские рабочие привыкли к традиционной, устаревшей технологии. В 1878 Фриберг был командирован на завод Дегерфорса для вербовки специалистов на Тирлянский завод. Ему удалось подписать контракты с 18 шведскими мастерами. По прибытии в Тирлян с иностранными специалистами был подписан контракт сроком на три года. Заинтересованные в шведских специалистах заводчики предоставили им хорошие условия для работы. На территории заводского поселка им выделялось бесплатное благоустроенное жилье, провиант и предоставлялся ежегодный отпуск на родину. Размер жалования зависел от квалификации, объемов производства, прибыли. Согласно трудовому договору оплата была сдельной и равнялась шести копейкам за один пуд железа. При расчете жалования не была учтена разница между русским и шведским пудом. Первый был в два раза тяжелее шведского и составлял примерно 16 килограммам. Это означало, что финансовые условия контракта, составленного по русским меркам, оказались для шведов не столь привлекательными. Однако помимо зарплаты шведам предоставлялись дрова, корова и корм для скотины, а изобилие местного рынка и низкий уровень цен позволили иностранным специалистам извлечь материальную выгоду из существовавшего положения.

Одной из главных проблем с которыми столкнулись шведы – трудовая дисциплина. Особое удивление у них вызывала каждодневная проверка русских рабочих на наличие украденных с завода предметов. Честные шведские кузнецы были избавлены управляющим от этой процедуры, поскольку пользовались репутацией честных и ответственных работников довольствовавшихся предоставленной им оплатой труда. Русские рабочие были поражены и быстро оценили то, что шведы не были вороватыми, никому не давали и сами не брали взятку, были честны и открыты. В первое время на новых печах работало по три шведа, затем – два шведа и русский мастер, затем – один швед и два русских. Новая технология постепенно внедрялась, что давало значительный рост производства и увеличение зарплаток. В дальнейшем в Тирлян и Белорецк приезжали новые шведские специалисты. А. И. Гассельблату удалось создать шведскую колонию, в которой жило более 100 человек.

Поле деятельности для Акселя Эмиля было огромно. А.И. Гассельблат применил свой опыт на многих уральских заводах. Аксель Эмильевич, отдавая всего себя строительству и модернизации заводов Южного Урала снискал себе добрую славу. В некрологе, опубликованном в “Уральском горном обозрении” говорилось: “Покойный А.Э. Гассельблат, прослужив 27 лет на заводах Южного Урала, заслуженно считался недюжинным администратором и знатоком доменного производства. Высоко честный, справедливый и заботливый по отношению к своим подчинённым и рабочим, он пользовался на всех занимаемых им местах неподдельной и искренней их любовью. Сердечность и всегдашняя готовность помочь ближнему, - снискали ему глубокое уважение, как сослуживцев, так и всех знающих его. Мир праху твоему, честный труженик и сердечный человек”. В 1882 Торговый дом «Вогау и К о» приобрел с торгов соседний Кагинский горный округ с остановленными ещё в 1861 года Кагинским и Узьянским чугуноплавильными заводами и 22 545 десятинами земли, который вошел в состав Белорецкого горного округа. Управляющим округом был назначен А.И. Гассельблат. Сразу же началась коренная перестройка и этих заводов. В 1884 был пущен Кагинский завод, на котором была построена новая доменная печь и построена гвоздарно-волоочильная фабрика, переведенная с Белорецкого завода. В 1888 на Белорецком заводе произведено переоснащение передельного производства с заменой старых горнов на 12 ланкаширских (шведских). В 1889 пущен в эксплуатацию Туканский рудник Зигаинско-Комаровского месторождения железной руды, перестроены обе доменные печи Белорецкого завода. В 1890 г. построена новая, третья доменная печь. На всех трех печах заменено устаревшее оборудование, механизированы вспомогательные процессы, увеличено энерговооружение. В результате среднесуточная выплавка чугуна на Белорецком заводе возросла соответственно до 1500, 1200 и 700 пудов. В 1891 г. на Магнитогорском железорудном месторождении начался переход на планомерную добычу руды.

С 1888 г. проектировал и консультировал строительство нового чугуноплавильного Зигаинского завода, был приглашен франко-русским «Урало-Волжским металлургическим обще-

ством» в качестве руководителя строительства нового Лемезинского чугуноплавильного завода на р. Лемеза в Уфимском уезде Уфимской губернии.

Л.Н. Гумилёв о российской государственности

Среди отечественных мыслителей XX века особое место занимает Лев Николаевич Гумилёв, учёный, внёсший огромный вклад в осмысление истории нашей страны, определении её места в мире, изучение национального самосознания русского народа и его места в истории цивилизации. Лев Николаевич Гумилёв родился в Царском Селе 1 октября 1912 года. Сын поэт Николай Гумилёва и Анны Ахматовой. В детстве воспитывался у бабушки в имении Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии. С 1917 до 1929 года жил в Бежецке. С 1930 года в Ленинграде. В 1930—1934 годах работал в экспедициях в Саянах, на Памире и в Крыму. С 1934 г. начал учиться на историческом факультете Ленинградского университета. В 1935 году был исключён из университета и арестован, но через некоторое время освобождён. В 1937 году был восстановлен в ЛГУ. Осенью 1944 года добровольно вступил в Советскую Армию, воевал рядовым в 1386-м зенитно-артиллерийском полку, входившем в 31-ю зенитно-артиллерийскую дивизию на Первом Белорусском фронте, закончив войну в Берлине. В 1945 году Гумилёв был демобилизован, восстановлен в ЛГУ, который окончил в начале 1946 года и поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, откуда был исключён с мотивировкой «в связи с несоответствием филологической подготовки избранной специальности». 28 декабря 1948 года Гумилёв защитил в ЛГУ диссертацию кандидата исторических наук, принят научным сотрудником в Музей этнографии народов СССР. С 1956 г. работал библиотекарем в Эрмитаже. В 1961 году защитил докторскую диссертацию по истории («Древние тюрки»), а в 1974 году — докторскую диссертацию по географии («Этногенез и биосфера Земли»). 21 мая 1976 года ему было отказано в присуждении второй степени доктора географических наук. До выхода на пенсию в 1986 году работал в Научно-исследовательском институте географии при Ленинградском государственном университете.

В своих работах Л.Н. Гумилёв приходит к выводу о существовании совокупности разнообразных факторов, влияющих на формирование государственности. Он отмечает, признавая влияние географии, что великое русское многонациональное государство... есть следствие того закона, который дан русскому народу природой русского мира [1;22].

Однако не только географические факторы определяют пути развития цивилизации. Гораздо более важным является человеческий фактор, выраженный, в первую очередь, в деятельности отдельных, наиболее ярких личностей – пассионариев. Именно пассионарная энергия влияет на становление, развитие и упадок обществ, этносов, государств.

Все этносы, согласно Гумилёву, проходят в процессе своей эволюции несколько фаз. Фаза подъёма характеризуется ростом пассионарной энергии в этнической системе, что ведёт к ломке устоявшихся взаимоотношений и появлению определённого количества «персон», не мирящихся с ограничениями, требующими себе того места, которое соответствует их талантам [2;32]. На этом этапе формируется новая этническая доминанта и социальные институты. В России она началась в сер. XIV в. с правления Ивана Калиты и завершилась на рубеже XV – XVII вв., сменившись акмаической фазой. Наступило время пассионариев жертвенного типа, стремящихся реализовать себя как личность [3;53]. Длиться она недолго и сменяется фазой надлома. Снижается способность системы к сопротивлению, увеличивается склонность системы к гибели. В нашей стране данная фаза началась в XIX в. и особенно ярко проявилась в начале века XX. Затем происходит переход в инерционную фазу. После пережитых потрясений люди хотят не успеха, а покоя [2;435]. Они уже научились понимать, что индивидуальности, желающие проявиться во всей оригинальности, представляют опасность. Наступает время спокойного развития, время расцвета экономики и культуры. Современное общество в нашей стране вступило в эту стадию и продлится она, по Гумилёву, около 600 лет. Однако перспектив развития на этой фазе нет и общество, с большой долей вероятности переходит к фазе обскурации,

характеризующейся ростом преступности, утратой армией боеспособности, приходом к власти авантюристов. Многие из перечисленного мы также могли наблюдать.

В заключении следует отметить, что, несмотря на спорность определённых утверждений Гумилёва, он внёс огромный вклад в развитие отечественных общественных наук. Предложенная им концепция отечественной и мировой истории ещё долгое время будет сохранять актуальность и привлекать внимание исследователей.

Литература

1. Вспоминая Л.Н. Гумилёва. – Спб.: «Росток», 2003. – 368 с.
2. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 560 с.
3. Карельская Л.П. Л.Н. Гумилёв / Л.П. Карельская. – Ростов н/Д.: МарТ, 2005. – 112 с.

Немецкие рабочие на Магнитострое: гендерный вопрос

В 1930-е годы на строительство магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска ехало значительное количество иностранных рабочих и специалистов, в том числе и немцев. Вполне естественно, что наряду с мужчинами на новостройку прибывали и женщины.

Говоря о немках, проживающих в Магнитогорске в 1930-е гг. следует сказать, что им было гораздо труднее ассимилироваться на новом месте, нежели мужчинам, которые получали на Магнитострое главные жизненные бонусы: работу и доход. В свою очередь женщины, как хранительницы очага (в начале XX века эмансипация еще не достигла своих вершин и большинство немок, даже имеющих образование, предпочитали находиться на попечении мужа), сразу сталкивались с множеством насущных проблем: начиная от жилищных условий и заканчивая проблемами снабжения.

Говоря о социальном портрете немок, необходимо сразу отметить, что они изначально были привязаны в своих поступках к мужчинам – главам семьи. Дело в том, что женщины прибывали на новостройку вслед за мужчинами, которые, обосновавшись на новом месте жительства, вызывали их к себе. Естественно, что под женщинами, в данном случае подразумевались, жены. Так как инорабочему/специалисту позволительно было на Магнитострой привезти только семью, под которой понимались жена и дети. Хотя были свои исключения. Например, Карл Будах просил у Иностранного отдела комбината разрешение на въезд на территорию СССР своей невесты, которая находилась «в очень тяжелых условиях» [1]. Данный вопрос был «оговорен Берлинским полпредством СССР» и «Трестом Нарпит». Просьба была удовлетворена.

Зависимое положение женщины демонстрировала анкета, которую заполнял каждый, приезжающий в Магнитогорск. В графе «Причина приезда» у немок чаще всего значилось: «к мужу» или «приехала с мужем». Интересен и тот факт, что некоторые женщины в графе «национальный паспорт» указывали: «один паспорт с мужем». Впрочем, были и те, кто ехал в Магнитогорск вместе с мужем, но также в качестве рабочего. Например, Анна Тилле была завербована представителем ВСНХ в Берлине по вербовке инспектистов [2].

Средний возраст немецких женщин, приехавших в Магнитогорск в качестве жен, составлял 30-35 лет. Вполне естественно, что многие из них ехали на Магнитострой с детьми. Возраст последних различался от дошкольников до школьников старших классов. При этом, часть немок были многодетными мамами: у Розы Кочаб и Марты Фридрих было по трое детей. Социальный статус большинства немок был схож, а вот уровень образования различался. Среди приезжих женщин большая часть имела среднее образование: они окончили народную или городскую школу; значительная часть - низшее образование, и единицы - высшее. Однако в качестве профессиональной принадлежности все они отмечали традиционно: «домохозяйка». Хотя и в этом случае нашлись свои уникалы. Так, Эрика Томас указала, что по профессии она гладильщица.

Одновременно следует сказать и о другой категории немок: молодое поколение, девушки, которые прибыли на Магнитострой с родителями. По мере взросления они также искали свою профессиональную нишу на территории строящегося промышленного гиганта. Именно они, в отличие от своих мам, стремились устроиться на работу. Например, Эльза Карас. Она прибыла в Магнитогорск со своими родителями в 1930 году. Спустя два года Эльза устроилась работать копировщицей сначала в Горстройпроекте, а потом в Завоудуправлении. Болезнь ребенка заставила Эльзу прекратить работу. Но как только ребенок выздоровел, она в июне 1937 г. обратилась к начальнику Проектного Управления Магнитостроя с заявлением, в котором просила принять ее «на работу копировщицей». Заявление Эльзы получило поддержку: 14 июня она была принята на работу. Проработав в Управлении полгода, Эльза Карас уволилась в связи с переездом к мужу в Златоуст. Возможно, рвение молодых немок к работе было обусловлено

общей ситуацией в самом Магнитогорске. Дело в том, что руководство города и строительства металлургического комбината всячески привлекало женщин к труду, наращивая тем самым рабочую силу. Поэтому многие советские женщины в условиях латентного голода вынуждены были менять статус иждивенца на статус рабочего и получать больший продовольственный паек. Однако существовала огромная разница между немецкими и советскими работницами [4]. Последние трудились главным образом на низкооплачиваемой и тяжелой физической работе, в то время как немки устраивались на работу только при наличии соответствующего образования в конторы или библиотеки. Примеры работы иностранных женщин на тяжелом производстве отсутствуют.

Желание женщины остаться в Советском Союзе или вернуться на родину было также зависимо от решения мужа. Если мужчина решал остаться, то и в документах женщины появлялась фраза: «желает остаться в РСФСР». С другой стороны, если мужчина намеревался покинуть советское государство по завершении трудового договора, то и в анкете женщины фигурировало: «желает выехать на родину» или вернуться «в Германию через Негорелое с мужем». Следует отметить, что намерение остаться с СССР в большей мере присутствовало у супругов – членов Коммунистической партии Германии. Это вполне объяснимо, учитывая тот факт, что в Германии к власти пришли фашисты. При этом следует отметить, что доля партийных немцев, живших в Магнитогорске, была крайне мала: не более 5 процентов.

Таким образом, немецкие женщины, проживавшие в 1930-х гг. в Магнитогорске находились в довольно тяжелых условиях. Полностью находясь на обеспечении мужа и желая содержать в порядке свой «дом», они практически не имели такой возможности. Учитывая, что обеспечение продуктами, промтоварами и всем другим необходимым системой было также закреплено за мужчинами. Новая политическая, социальная, климатическая и т.д. среда только увеличивала трудности проживания. Возможно, именно поэтому большинство женщин, вне зависимости от мнения мужчин, стремились покинуть Магнитогорск и вернуться, пусть безработную и политически опасную, но привычную и понятную Родину.

Литература

1. МУ «Магнитогорский городской архив» (МУ МГА). Ф. 10. Оп. 8. Д. 65 (Карл Будак). Л. 5.
2. МУ МГА. Ф. 10. Оп. 8. Д. 603 (Анна Тилле). Л. 2.
3. МУ МГА. Ф. 10. Оп. 8. Д. 250 (Эльза Карас). Л. 5, 6, 8.
4. Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930-1935) // Социум и власть. 2009, № 3. – С. 96-100.